

— Это наши удостоверения. Просим вас сотрудничать с нашим расследованием. Мы получили сообщение о том, что вы брали взятки. Скажите, пожалуйста, эти часы на вашей руке вы купили сами?

Лицо завуча мгновенно побледнело. Его тело дрожало, голос тоже дрожал:

— Я... я... я взял только эту вещь, больше ничего не делал.

— Значит, вы признаёте это?

— Я... я признаю, но по сравнению с У Вэньчжуном я просто ничтожество. Я взял только одну вещь, а этот старик У Вэньчжун получил от родителей учеников больше 2 000 000 юаней. Он купил на эти деньги своему сыну квартиру и машину. Идите и проверьте его, проверьте его, а меня не трогайте.

— У Вэньчжун — это директор школы, верно?

Полицейские, один мрачнее другого, высокие и крепкие, пугали завуча до такой степени, что он едва мог говорить.

— Да, да, это он... Четвёртый кабинет налево, там написано «Кабинет директора». В его столе, в ящике, только карт больше десятка. Поверьте мне, проверьте его. Это ведь зачтётся мне как помощь в расследовании, правда? Я...

Полицейские посмотрели на дрожащего завуча, затем оставили одного человека присматривать за ним, а трое других отправились в кабинет директора.

У Вэньчжуна в это время был напряжённый момент — он принимал важного чиновника из управления образования, надеясь, что перед выходом на пенсию сможет подняться по карьерной лестнице.

— Ах, начальник управления Чэнь, как это вы пришли, не предупредив заранее? Я бы организовал встречу учителей и учеников.

— Не нужно, нам не нужны никакие встречи. Мы просто пришли посмотреть школьные документы и поговорить с вами. Кстати, ваш кабинет сообщается с архивом, верно?

Услышав тон господина Чэня, У Вэньчжун почувствовал себя ещё более осторожным. Услышав его слова, он сразу же открыл дверь в архив и сказал:

— Да, да, проверяйте, все личные дела учеников и учителей здесь.

Господин Чэнь бросил взгляд на У Вэньчжуна, затем подал знак своим людям, чтобы они вошли в архив, а сам сел на диван для гостей в кабинете директора и сказал:

— Директор У, мы встречались несколько раз, и я помню, что вы всегда были довольно скромны. А теперь ваша одежда стоит больше 5 000 юаней, не так ли?

У Вэньчжун начал нервничать. Он закивал и склонился:

— Да что вы, эту одежду мне купил сын, у него есть немного денег.

— О? Разве ваш сын не всегда был безработным?

На лбу У Вэньчжуна выступил пот. Господин Чэнь явно пришёл не с добрыми намерениями. Он не знал, как реагировать, и только вытер пот, сказав:

— Начальник, откуда вы знаете о работе моего сына?

Сказав это, У Вэньчжун захихикал, но в этот момент в кабинет вошли несколько полицейских. Предъявив удостоверения, они спросили:

— Можем ли мы осмотреть ваш стол?

Лицо У Вэньчжуна изменилось, и он сразу ответил:

— Нет.

Полицейские не двинулись с места, но господин Чэнь подошёл к столу, сел за него и спокойно сказал:

— Директор У, видимо, этот стол для вас очень ценен. Тогда я посмотрю, в чём же его ценность.

Сказав это, он резко потянул за самый правый запёртый ящик, открыл его и засмеялся. Он вытащил оттуда более десятка карт, разложил их на столе и поднял взгляд на У Вэньчжуна:

— Директор У, не хотите ли объяснить это нашим коллегам из управления образования?

Лицо У Вэньчжуна побелело. Он обессиленно опустил на стул, и вскоре его увели в наручниках.

Чиновники из управления образования тщательно изучили различные дела и работу школы при Столичном университете. Чем больше они смотрели, тем больше злились. Школа открыто издевалась над учениками, например, над учеником по имени Чэн Кэ. Хотя не было никаких доказательств, и он сам не признавал вины, школа прямо вынесла ему строгий выговор, что было просто смешно.

— Начальник, что делать с этим делом?

Начальник взглянул и гневно крикнул:

— Что должно быть сделано, то и сделайте. Если нет ошибки, не нужно её выдумывать. Наши школы в Пекине не должны допускать таких вещей. Кроме того, это дело нужно тщательно расследовать, и виновные должны быть наказаны!

В школе много людей. Когда завуча и У Вэньчжуна уводили, достаточно было одному увидеть это, и весь класс побежал к окнам. И, конечно, вся школа узнала об этом.

Вскоре слухи о том, что Чэн Цзыюэ давал взятки завучу и директору, распространились. Когда он снова пришёл в класс, уже не увидел ни одного доброго взгляда. Кто-то намеренно толкал его, кто-то дёргал, а кто-то устраивал жестокие шутки. Даже Ван Шаовэнь начал издеваться над ним.

Ван Шаовэнь часто собирал нескольких подручных и противостоял Чэн Цзыюэ, а тот мог только стиснуть зубы и терпеть, потому что боялся, что школа его исключит.

Через несколько дней школа выпустила уведомление с двумя пунктами. Первый — директор

школы при Столичном университете был заменён, и новый директор был назначен напрямую управлением образования. Второй пункт — выговор Чэн Кэ был ошибочным, поэтому он был отменён.

Увидев это уведомление, все аплодировали, кроме Чэн Цзыюэ, потому что, если выговор Чэн Кэ был отменён, то его выговор, вероятно, скоро последует.

Действительно, перед выпускными экзаменами Чэн Цзыюэ получил уведомление о строгом выговоре.

Чэн Цзыюэ смотрел на это уведомление с пустым взглядом, чувствуя себя очень несчастным. В своём горе он посмотрел на всё ещё сияющего Чэн Кэ и на Ван Шаовэня, который подливал масла в огонь. Он подавил гнев в своём сердце, сказав себе, что должен терпеть. Всё подождёт до университета.

В глазах Чэн Цзыюэ Ван Шаовэнь был ещё более подлым, потому что Чэн Кэ никогда ничего не делал, но Ван Шаовэнь был с ним заодно. Почему же он не получил выговор?

Чэн Цзыюэ слишком много думал. На следующий день после того, как он получил выговор, Ван Шаовэнь тоже получил строгий выговор, но это его не волновало, потому что он не собирался идти в политику или армию, поэтому он действительно считал, что запись в его личном деле не была угрозой.

После выпускных экзаменов наступили зимние каникулы, и уже был январь. Выпускники отдыхали двадцать дней, а затем возвращались в школу на шестой день Нового года.

В первый день каникул Чэн Кэ позвал Хэ Цзяхуэй, и они рано утром отправились в уезд Пу.

Дедушка Чэн был рад увидеть их и сразу же схватил Хэ Цзяхуэй и Чэн Кэ, сказав, что сам приготовит им пельмени. Они, естественно, согласились, и были рады, что дедушка был в таком хорошем состоянии.

За это время Чэн Цзинцзюнь хорошо отремонтировал старый дом, и главный зал был переделан. Теперь стиль был смесью классики и современности, но это выглядело очень гармонично. Тёмно-красная мебель и белая бытовая техника сочетались удивительно хорошо.

Чэн Кэ прошёлся по главному залу и нескольким комнатам, затем сказал:

— Дедушка, я тоже хочу здесь жить, когда состарюсь.

Дедушка улыбнулся:

— Хорошо, ведь этот дом никому не нужен. Когда тебе исполнится восемнадцать в мае, я подарю тебе этот дом.

— Дедушка, мне кажется, будто я выпрашиваю у тебя что-то.

Дедушка Чэн засмеялся:

— Ты не выпрашиваешь, это я сам хочу тебе дать.

Хэ Цзяхуэй сама прокатилась на коляске по дому. Она была очень благодарна, потому что в прошлый раз, когда она была здесь, везде были пороги, а теперь дедушка приказал их убрать. Там, где это было невозможно, он прикрепил доски, чтобы Хэ Цзяхуэй могла свободно

передвигаться на коляске.

Хэ Цзяхуэй заехала на кухню и удивилась:

— Папа, зачем вам такой большой холодильник?

Дедушка, услышав это, подошёл к кухне, а Чэн Кэ последовал за ним. Дедушка улыбнулся:

— Я специально купил его, чтобы хранить свежие и чистые продукты. Кстати, посмотрите, это фасоль, которую я приготовил в сентябре, высушил. Возьмите по пакету, можете использовать их для пельменей, жарить или добавлять в тушёное мясо. Очень вкусно.

Сказав это, он достал пакет сушёной фасоли и показал им. Чэн Кэ подошёл посмотреть и спросил:

— Почему они выглядят такими грязными?

У автора есть что сказать: белая каша бренда Чжоу Юньчуань — то, что тебе нужно.

<http://bllate.org/book/16558/1511234>